

И. Суркова
Казахстан, Семей,
Государственный университет им. Шакарима
Научный руководитель к. ф. н., доцент К.А. Рублёв

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРАХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ПОСЛЕВОЕННОМ СИРОТСКОМ ДЕТСТВЕ
(ПОЭМА «ЗВЕНИГОРОД» А. БАРТО И ПОВЕСТЬ «НОЧЕВАЛА ТУЧКА
ЗОЛОТАЯ» А. ПРИСТАВКИНА)

Эти два произведения разделены сорока годами и предельно не похожи друг на друга. Они принадлежат двум эпохам в истории Советского Союза, но подмосковный детский дом как жизненный материал и тема военного сиротства позволяют рассматривать их как парадоксальный «диптих», состоящий из идиллической и трагедийной «створок», которые созданы разными авторами. Это поэма «Звенигород» (1947) классика советской детской литературы Агнии Барто и «задержанная» повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1981, публ. 1987).

Агния Барто рисует почти идеальный мир детей-сирот, изображает безоблачную атмосферу жизни детей в детском доме. Идиллическое настроение не покидает читателя на протяжении всей поэмы. В повести Анатолия Приставкина и близко нет намёка на благополучную жизнь детей-сирот и тех, кто пытается помочь им выжить. Герои повести Приставкина именно ВЫЖИВАЮТ.

Со всей очевидностью художественное свидетельство Приставкина выглядит более честным и правдивым хотя бы потому, что на протяжении всего его произведения присутствует мотив мучительного голода, не покидающего героев не на секунду. Вот документальное свидетельство о подлинной жизни подобного рода воспитательных учреждений в первые послевоенные годы (речь идет о бывшей помещичьей усадьбе Кривякино в подмосковном городке Воскресенске): «Сначала там размещался детский сад №2 Химкомбината для детей-сирот, т.е. фактически детский дом». Далее в статье приводится «выдержка из критического материала из районной газеты “Коммунист” за 28 февраля 1946 года. <...>: “Более двух месяцев детский сад №2 комбината имени Куйбышева несвоевременно получает продукты питания, мыло, топливо. Только в декабре и январе детский сад не получил 120 килограммов жиров, совсем не получил картофель, а имеющаяся капуста непригодна для питания. Не получены также сотни литров молока. <...> В чем дело, почему более 200 детей-сирот не обеспечиваются продуктами питания?”» [6].

Конечно, многое зависело от порядочности и энергичности руководства. В подмосковной Тотье было лучше, чем в подмосковном Воскресенске: «Кормили в детдомах три раза в день <...>. Хотя в годы войны и была пайка хлеба в 250-400 граммов, но ни разу не было задержки. Дети знали, что такое сахар, масло и печенье, иногда перепали даже “немыслимые” продукты:

какое-то белое волокнистое мясо (говорили, что это мясо кита или акулы), закармливали гречкой, которую дети почему-то упрямо не любили». Но почему-то «до 1947 года все равно все были постоянно голодны» [3]. Последняя фраза – и про Тотьму, и про Воскресенск, и про приставкинское Томилино, и про бесчисленное множество рассеянных по всей стране спасительных, но одинаково безрадостных детских домов военных лет и первых лет после Победы. Быть не может, чтобы реальный Звенигород был сытым исключением.

При сравнении «говорящая» топонимика поэмы и повести – случайно или нет – многозначна и символична. Агния Барто разместила свой лучезарный детдом в городке с радостно-звонким названием Звенигород. Томилино, откуда переводят подмосковных детдомовцев Приставкина на неведомый и загадочный Кавказ, скрывает совсем другую, осторожную семантику: томятся узники в застенках...

Повесть Анатолия Приставкина не просто правдива – она безжалостна к читателю. Безжалостна к детям и педагогическая атмосфера, окружающая Кузьменьшей и персонифицированная в образе директора томилинского детдома Владимира Николаевича Башмакова, за каждую провинность ребенка произносящего любимую фразу: «*Без обеда, без ужина, без завтрака!..*» [5, с. 17]. Несчастен человек, на плечи которого возложили неподъемную ношу: накормить детей, дать им кров, одеть и обогреть – и это в то злополучное время! Но Башмаков – бездарный и вороватый хозяйственник – к тому же и бездушный педагог. Поэтому в повести Приставкина нет более зловещего образа: в сознании Кузьменьшей он властелин заветных буханок хлеба и повелитель детских душ, охваченных единственной страстью – чувством голода, и единственной мечтой: попасть в вожделенный мир, где нет числа хлеборезкам, и каждая – без замка!..

Если в повести Приставкина все заботы Сашки и Кольки подчинены утолению голода, то в безоблачном мире детдомовцев Агнии Барто вовсе нет забот – разве что вопрос, какой подарок сделать Пете на день рождения. На фоне трагедийной «перестроечной» повести Приставкина послевоенная поэма знаменитой детской поэтессы предстает совершенной идиллией. Словари трактуют этот термин как античный поэтический жанр, изображающий «*счастливую, безмятежную жизнь на лоне природы*» (Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов, 2006), но особенно актуально переносное значение слова, отмеченное в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Ф. Павленкова (1907): «**подслащенная действительность**» [4].

Но нравственное чувство и художественное чутье Агнии Барто, успевшей подростком – пусть в эпигонской форме – застать и впитать высокую культуру «Серебряного века», помогло ей в «*подслащенной действительности*» поэмы «Звенигород», которая, казалось бы, старательно следовала канонам и догмам социалистического реализма, передать атмосферу авторитарной педагогики, царствовавшей в образовательной системе тех далеких лет. («**Авторитарная педагогика** это система <...>

воспитания человека в слепом и беспрекословном подчинении властным структурам, старшим по возрасту и положению людям, идеологическим концепциям. Основные методы воспитания <...> требование, приказ, назидание, нотация, наказание, осуждение...» [2] – здесь и далее все выделения жирным шрифтом сделаны мною – И.С.).

Если в повести Анатолия Приставкина детдомовские педагоги составляют достаточно развернутую образную систему с художественным и нравственным эталоном – воспитателем «от Бога» Региной Петровной, то в поэме Барто упоминается единственная Анна Павловна, которая только бдительно следит за порядком и командует:

Дети требуют забот,

Ведь на то и дети.

Анна Павловна встает

Рано, на рассвете.

Видит всех она насквозь...

Вдруг подходит к Ване,

Говорит: – Лягушку брось,

Не держи в кармане! [1].

Врожденный такт удерживает автора от описания дальнейших педагогических свершений обладающей поистине рентгеновским взором воспитательницы, и Барто иронически передает функцию главного педагога... щенку по кличке Тимка:

Не последнее лицо

Тимка в этом доме,

потому как он «*всю семью приучил к порядку*», наказав забывчивого Петю и неаккуратную Лелю, а на романтического маленького Никиту, самозабвенно играющего в геолога в глубине сада, и вовсе обрушил всю мощь педагогического гнева:

Тимка — маленький щенок —

Тоже ждет событий.

«Землю рыть запрещено!» —

Он рычит Никите [1].

Ключевые слова, благодаря которым сквозь благостные картины звенигородской идиллии в поэме проступают черты педагогики принуждения и долженствования, – императивное «*запрещено!*» и brutальное «*рычит*».

Документально-исторические источники свидетельствуют: «*Все работавшие в детских домах – самоотверженные люди <...>. Такими их делала близость к детскому горю*» [3]. Увы, в поэме Барто свои «*сто вопросов*» дети несут не штатной воспитательнице (или надзирательнице?) Анне Павловне, а поварихе Насте и прачке тете Шуре – неформальное сердечное общение с которыми ближе к истинной педагогике, чем бдительное искоренение малейшего непорядка.

В этом смысле любопытно сравнить мотив «землеройства» в обоих произведениях. Детская забава «геолога-первооткрывателя» Никиты

вдохновляется пафосом покорения пространства и «великого преобразования природы» и лояльно вписывается в советскую идеологию 30-50-х годов:

«Он больших камней набрал,

У него в саду Урал» [1].

Приставкинские же Кузьменьши творят дерзкую криминально-героическую сагу, по затратам усилий несравнимую с поставленной целью: прорыть подземный ход, чтобы украсть буханку хлеба (одну!) из надежно запертой хлебoreзки. Но обе затеи одинаково решительно искореняются как несанкционированное нарушение миропорядка!

Поэма А. Барто была опубликована в самое нелегкое для советской литературы и духовной жизни страны время, под знаком недоброй памяти партийного постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и, на первый взгляд, соответствовала всем нормам «соцреализма». Повесть «Ночевала тучка золотая» на исходе советского времени успела внести весомый вклад в процесс реставрации подлинного реализма, начатый в 60-е годы «военной прозой» и писателями-деревенщиками. В обоих произведениях единый жизненный материал, преображенный в творческом сознании авторов согласно законам и нормам двух различных художественных систем, сохранил, превратившись в художественный образ, так ценимую в русской литературной традиции «жизненную правду».

Список литературы

1. Барто А. Звенигород // Агния Барто. Стихи для детей. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://gatchina3000.ru/literatura/agniyabarto/05-23-zvenigorod.htm>. - Заглавие с экрана
2. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) 2000 г. // Национальная педагогическая энциклопедия. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://didacts.ru/dictionary/1010/word/avtoritarnaja-pedagogika>. - Заглавие с экрана
3. Дьяковский Л.М. Тотьма – город милосердия (страницы истории детских домов города и района). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/two/tot/ma/10.htm>. – Заглавие с экрана.
4. Идиллия. Словарь иностранных слов русского языка // Словари и энциклопедии на Академикe. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/16737/%D0%98%D0%94%D0%98%D0%9B%D0%9B%D0%98%D0%AF. – Заглавие с экрана.
5. Приставкин А.И. Ночевала тучка золотая Повести и рассказы. М.: Современник, 1988. – 558 с.
6. Усадьба Кривякино // Усадьбы Подмосковья. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.google.ru/#newwindow=1&q=http:%2F%2Fxn--80aci7aknn2eh.xn--p1ai%2Fprod-usadba-krivyakino--i112>.- Заглавие с экрана.